

В.И. Модестов

**Лекции по истории римской
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В.И. Модестов
В11 Лекции по истории римской литературы / В.И. Модестов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 795 с.

ISBN 978-5-4241-9497-9

Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С-Петербургском университетах. Полное издание. (Три курса в одном томе).

ISBN 978-5-4241-9497-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сигетъ 3-го сентября 1886 года (см. Журн. Мин. Нар. Просв., октябрь, 1886), я уже имѣлъ случай громко высказать и достаточно развитъ свое убѣжденіе, что исторіи литературы я придаю въ филологическомъ образованіи центральное значеніе. Это легко пойметъ всякій, кто представитъ себѣ, что въ исторіи литературы не только сходитъ главная масса источниковъ, касающихся жизни народа, но въ ней по преимуществу выражается движеніе всей филологической науки. Такимъ образомъ, знать исторію литературы—значитъ знать какъ то, что составляетъ матеріалъ и источники для изученія народа во всѣхъ отношеніяхъ, такъ и то, какъ шла сама наука въ теченіе столѣтій. Что касается въ частности именно исторіи римской литературы, то она указываетъ не только то, что произвела римская литература и что составляетъ письменный матеріалъ для изученія римской и отчасти греческой древности, указываетъ не только мѣсто и значеніе каждому автору въ томъ или другомъ отношеніи, но и указываетъ, какъ шла и развивалась филологическая наука по отношенію къ древне-римскому міру съ эпохи Возрожденія. Только тотъ можетъ со смысломъ изучать науку, кто знаетъ ея исторію: безъ этого никакое научное знаніе не только невозможно, но и немислимо.

Между тѣмъ по изданному, нѣсколько лѣтъ назадъ, учебному плану по историко-филологическому факультету русскихъ университетовъ, исторіи римской, равно какъ и греческой, литературѣ удѣлено самое скромное мѣсто. Ее предлагаютъ прочесть въ одинъ семестръ, и притомъ студентамъ второго курса. Ясное дѣло, что составители этого плана, работавшаго, на сколько мнѣ извѣстно, безъ участія или, по крайней мѣрѣ, безъ согласія главныхъ представителей филологической науки въ Россіи, упустили изъ виду всѣ тѣ важныя точки зрѣнія, на которыя мною только-что указано. Они смотрѣли на исторію литературы, повидимому, лишь какъ на сухую номенклатуру, въ которой перечисляются древніе авторы съ краткими біографіями, ихъ сочиненія и ихъ изданія; ибо болѣе обширнаго вида чтеніе римской литературы въ одинъ семестръ принять не можетъ. Къ тому-же, по этому плану полагается читать исторію римской литературы четыре раза въ недѣлю, и только такой курсъ считается обязательнымъ для студентовъ. Такое требованіе одинаково невыгодно какъ для профессора, такъ и для студента. Читающій четыре лекціи въ недѣлю по такому предмету, какъ исторія римской (или греческой) литературы, профессоръ не имѣетъ возможности углубиться въ предметъ, не въ состояніи пересмотрѣть передъ лекціей сочиненій того писателя, о которомъ онъ долженъ говорить, и, уже само собою разумѣется, лишентъ всякой возможности слѣдить за текущею ученою литературой; слушающій четыре раза въ недѣлю лекціи по исторіи римской литературы студентъ лишентъ всякой возможности слѣдить сколько-нибудь самодѣтельно за лекціями профессора. Такимъ образомъ, столь важный для филологическаго обра-

званія предметъ читается профессоромъ поверхностно и слушается студентомъ почти безъ всякой пользы. Такого рода предметы, какъ исторія греческой и римской литературы, не должны никакимъ образомъ читаться болѣе двухъ разъ въ недѣлю, и чтеніе ихъ должно продолжаться не одинъ семестръ, а по крайней мѣрѣ четыре, т. е. два года. Только при этомъ условіи чтеніе ихъ плодотворно и дѣйствуетъ оживляющимъ и руководящимъ образомъ на занятія филологическими науками.

Я убѣжденъ, что мой голосъ, если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ, приметъ во вниманіе, тѣмъ болѣе, что организованное новымъ учебнымъ планомъ преподаваніе видимо для всѣхъ ведетъ классическую филологію къ упадку. Во всѣхъ русскихъ университетахъ преподаваніе классической филологіи въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе теряетъ научный характеръ и обращается въ преподаваніе школьное, не способное ни возбудить охоты къ занятію наукою въ слушателяхъ, ни быть стимуломъ къ усовершенствованію для преподавателей. Дошло до того, что нѣкоторые преподаватели, забывъ про характеръ университетской науки, умудряются читать по *шестнадцати* часовъ въ недѣлю: явленіе не бывалое и свидѣтельствующее о крайнемъ пониженіи уровня университетскаго преподаванія въ филологіи! Это пониженіе нагляднѣйшимъ образомъ доказывается тѣмъ, что теперь въ большинствѣ случаевъ преподается не наука, не филологія, какъ она понималась до сего времени нами, какъ она понимается въ ученыхъ учрежденіяхъ Европы и Америки, а то, что входитъ въ область школьныхъ упражненій, и чему, по моему глубокому убѣжденію, не должно быть мѣста въ университетѣ. Переводятся на латинскій языкъ исторія г. Иловайскаго, исторія Карамзина или что-нибудь такое подобное. Какая отъ этого польза? Чему изъ этихъ переводовъ можно научиться? Развѣ это наука? Это—дѣтскія упражненія, имѣющія, пожалуй, да и то въ ограниченномъ видѣ, мѣсто въ гимназій для вѣщаго уразумѣнія грамматическихъ правилъ, хотя и съ этою цѣлью слѣдовало бы дѣлать переводы не изъ Карамзина и г. Иловайскаго, а изъ сочиненій, относящихся къ древности, и нарочно приготовленныхъ для такого рода упражненій. Такое направленіе можетъ убить совсѣмъ еще слабую у насъ науку о классической древности, но поднять, оживить ее не можетъ ни въ какомъ случаѣ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, я имѣю, между прочимъ, въ виду по мѣрѣ силъ противодѣйствовать этому пагубному направленію, охватившему преподаваніе классической филологіи у насъ въ послѣдніе годы. Всю свою жизнь я стремился къ тому, чтобы поднять и оживить занятія у насъ классическимъ міромъ, возбудить къ нему любовь и интересъ среди учащихся. Съ этою цѣлью я издавалъ свои лекціи, писалъ статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся древности, издавалъ Горация, переводилъ Тацита, редактировалъ переводъ словаря Любкера, приспособляя его для русскихъ потребностей. Усилія мои возбудить рас-

положеніе и любовь къ древности не оставались бесплодными. Но теперь настаетъ время, когда начавшемуся-было въ русской филологической наукѣ движенію какъ будто приходится остановиться и, быть можетъ, идти даже попятнымъ путемъ, пока наконецъ среди русской молодежи не исчезнетъ всякое стремленіе къ этимъ благороднымъ и возвышающимъ занятіямъ.

Впрочемъ, дѣйствующій теперь учебный планъ не созданъ-же для вѣчности. Онъ можетъ быть измѣненъ и даже въ самомъ скоромъ времени. Съ удачнымъ же измѣненіемъ его сама собой можетъ возникнуть потребность въ замѣнѣ школьнаго и бесплоднаго преподаванія въ университетѣ научнымъ, а слѣдовательно и плодотворнымъ. Если мои строки, выражающія искреннее и глубокое убѣжденіе чловѣка, который безъ малаго тридцать лѣтъ неустанно и не смотря ни на какія обстоятельства служилъ филологическому образованію въ Россіи, будутъ содѣйствовать хотя сколько-нибудь къ утверженію болѣе правильнаго взгляда на университетское преподаваніе классической филологіи въ русскихъ университетахъ, то это послужитъ для меня истинною наградою и большимъ утѣшеніемъ.

В. Модестовъ.

С.-Петербургъ,
18-го апрѣля, 1888 г.

ЛЕКЦІЯ 1-я.

ВВЕДЕНІЕ.

Историческій ходъ науки *Исторіи римской литературы* и современное ея состояніе.—Взглядъ на римскую литературу въ ея историческомъ развитіи.—Латинскій языкъ, какъ органъ римской литературы.

Мм. Гг.! Исторіей римской литературы ученые занимаются со временъ Возрожденія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наука эта обладаетъ огромною ученою литературой, подготовившею современное цвѣтущее ея состояніе. Развивалась наша наука однако медленно и съ трудомъ. Какъ мало исторія римской литературы, первые опыты которой относятся еще къ XV столѣтію, подвинулась впередъ къ началу XVIII столѣтія, этому живымъ свидѣтельствомъ служить «Латинская бібліотека» (*Bibliotheca latina*) *Фабриція*—первый значительный трудъ по нашему предмету. Сочиненіе Фабриція есть не что иное, какъ хронологическій списокъ латинскихъ авторовъ съ ихъ біографіями и съ указаніемъ ихъ сочиненій, изданій этихъ послѣднихъ со времени открытія книгопечатанія и переводовъ ихъ на новые языки. Въ этомъ трудѣ нѣтъ никакой идеи о развитіи римской литературы; въ немъ нѣтъ даже и какой-либо системы, кромѣ внѣшняго, да и то не совсѣмъ строгаго, хронологическаго порядка. Не смотря на все это, книга Фабриція была замѣчательнымъ трудомъ для своего времени. Какъ сборникъ обильнаго матеріала, въ первый разъ сведеннаго во-едино, этотъ трудъ до такой степени удовлетворялъ современнымъ потребностямъ, что выдержалъ шесть изданій отъ 1697 до 1728 года, разросшись изъ одной книги въ три въ 5-мъ гамбургскомъ изданіи 1821 г. (венеціанское изданіе 1828 года состоитъ изъ двухъ томовъ in 4°). Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія (1773—4) «Латинская бібліотека» еще разъ была издана, но уже въ значительно исправленномъ и дополненномъ видѣ, однимъ изъ видныхъ представителей филологій въ Германіи того времени, *Io. Aug. Эрнести*. Если сочиненіе Фабриція, при всемъ его услѣхѣ въ ученомъ мірѣ и при всей его полезности по массѣ собраннаго въ немъ матеріала для исторіи римской литературы, не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ понятіямъ объ исторіи литературы, если въ немъ нѣтъ и намёка на представленіе о томъ, что литература не есть явленіе, стоящее въ народной жизни одною, и что развитіе ея находится въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ умственной, общественной и политической жизни въ странѣ и обуславливается всею культурною жизнью народа, то сочиненіе современника его *Функция*, разсматривавшаго римскую литературу по возрастамъ, изъ которыхъ

слагается весь періодъ человѣческой жизни, представляетъ уже шагъ впередъ въ изображеніи литературной жизни римскаго народа. Функціи говоритъ сначала о *происхожденіи* латинскаго языка (de origine linguae latinae), затѣмъ его *дѣтствѣ* (de pueritia), *юности* (de adolescentia), *зрѣломъ возрастѣ* (de virili aetate), о *приближающейся старости* (de imminente senectute) и, наконецъ, о *бездѣйственной и дряхлой его старости* (de inerti ac decrepita senectute). Такая точка зрѣнія на римскую литературу дѣлаетъ шагъ впередъ противъ сочиненія Фабриція уже по тому одному, что ею указывается, хотя и не выясняется, идея о постепенномъ и, такъ сказать, физиологическомъ ростѣ литературы, что въ развитіи научнаго взгляда на исторію литературы представляется весьма немаловажнымъ моментомъ. Впрочемъ, идея Функція принадлежитъ не ему. Начиная съ XVI столѣтія, эта идея проводится многими учеными. Прежде всего она была высказана *М. Антоніемъ Сабелликомъ* (ум. 1506), ученикомъ знаменитаго *Помпонія Лета*, основателя извѣстной римской академіи съ языческимъ культомъ, въ его диссертации: De periodis litterarum et de quinque aetatibus Romanae linguae (см. полное собраніе его сочиненій, изданное въ Базелѣ, 1560 года). Затѣмъ ту-же мысль высказывали *Юл. Кес. Скалперъ*, *Фоссъ*, *Фаччолати* (Facciolati), также раздѣлявшіе исторію римской литературы или языка на извѣстное число возрастовъ по подобію человѣческой жизни. Функціи принадлежитъ лишь заслуга развитія этой идеи постепеннаго развитія и упадка римской литературы. Съ этою цѣлью онъ выпустилъ рядъ разсужденій (отъ 1720 до 1750 года), въ которыхъ онъ рассмотрѣлъ латинскихъ писателей вплоть до смерти Карла Великаго. Строго говоря, семь трактатовъ Функція, посвященныхъ такому-же количеству возрастовъ латинскаго языка, нисколько не выясняютъ физиологическаго роста литературы подъ влияніемъ тѣхъ разнообразныхъ условій, которыя вліяютъ на литературу; но въ этихъ трактатахъ видно, по крайней мѣрѣ, стремленіе раздѣлить исторію литературы на періоды, отмѣченные болѣе или менѣе рѣзкими событіями въ жизни народа, событіями, дѣйствительно отразившимися замѣтнымъ образомъ на судьбѣ литературы. Въ сочиненіи Функція можно найти не мало смѣшнаго и нелѣпаго,—такъ, напр., онъ производитъ латинскій языкъ отъ древне-нѣмецкаго,—но уже то одно, что съ него установился принципъ дѣленія римскихъ писателей на періоды, соотвѣтствующіе важнѣйшимъ моментамъ политической жизни народа, ставитъ этого трудъ значительно выше сочиненія Фабриція, не мало повредившаго правильному развитію нашей науки своимъ статистическимъ направленіемъ. Какъ Фабрицій, такъ и Функціи наши себя подражателей, въ рукахъ которыхъ исторія римской литературы, конечно, не могла выбиться на лучшую дорогу. На такую дорогу выдвинула ее лишь смѣлая рука *Фр. Авг. Вольфа*, выпустившаго въ 1787 году въ Галле программу исторіи римской литературы подъ заглавіемъ: «Исторія римской литературы. Руководство для университетскихъ лекцій» (Geschichte der römischen Literatur. Ein Leitfaden für akademische Vorlesungen). Здѣсь въ первый разъ зрѣло и обдуманно выразилось то направле-

ня, которое въ настоящее время неизбежно для всякаго историка литературы, понимающаго свою задачу, и которое, имѣя уже блистательныхъ представителей по отношенію къ новымъ литературамъ, не достигло еще требуемой высоты по отношенію къ литературѣ Грековъ и въ особенности Римлянъ. Я говорю о представленіи римской литературы, какъ явленія органическаго, понимаемаго въ связи съ жизнью цѣлаго организма, въ связи съ общою культурною жизнью народа. Значеніе Вольфа въ исторіи развитія науки о классической древности вообще весьма велико. Его можно считать истиннымъ отцомъ того филологическаго движенія, которое съ такою силой проявилось въ Германіи въ нашѣмъ столѣтіи. Геніальною кистью Вольфъ начертилъ область и задачу всѣхъ наукъ, занимающихся классической древностью, и филологическая наука пошла по пути, указанному ей истиннымъ основателемъ въ Германіи. Лекціи Вольфа по исторіи римской литературы напечатаны много лѣтъ спустя по смерти автора и по весьма плохой рукописи, вмѣстѣ съ другими его лекціями, относящимися къ наукѣ о древности (*Vorlesungen über die Alterthumswissenschaft*), и составляютъ третій томъ въ изданіи, сдѣланномъ *Гюглеромъ* и *Гюфманомъ* (Leipzig, 1832; 2-е изд. 1839). Здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемся съ тѣмъ, что въ послѣдствіи у *Бергарди* получило названіе «внутренней исторіи литературы». Бергарди, профессоръ того-же университета (въ Галле), въ которомъ прославился знаменитый авторъ «Предисловія къ Гомеру», есть непосредственный продолжатель направленія, даннаго исторіи римской литературы Вольфомъ. Его «Начертаніе римской литературы» (*Grundriss der römischen Litteratur*, 5-е изд., Braunsch. 1869—1872), при всѣхъ недостаткахъ изложенія (туманнаго), есть, безспорно, лучшее сочиненіе по этому предмету въ Германіи. Направленіе, сообщенное Вольфомъ, нигдѣ не нашло себѣ лучшаго выраженія. Въ сочиненіи Бергарди вы можете видѣть уже живую органическую связь римской литературы съ жизнью самого римскаго общества и понять ее какъ естественное явленіе этой жизни, какъ логическій продуктъ ея. Когда говоримъ о Бергарди, невольно сравниваешь его трудъ по исторіи римской литературы съ трудомъ гейдельбергскаго профессора *Хр. Бэра*. «Исторія римской литературы» (*Geschichte der römischen Literatur*, 4-е изд. 1868 — 1870) этого вѣтчнаго ученаго имѣетъ, конечно, немаловажныя достоинства. Его добросовѣстно собраннымъ ученымъ матеріаломъ пользуются многіе, между прочимъ и самъ Бергарди. Всѣ виды римской литературы разсмотрѣны имъ съ полнотою и добросовѣстностью, могущими сдѣлать честь всякому изслѣдователю. Но исторіей литературы въ настоящемъ значеніи слова трудъ Бэра назвать нельзя. Это скорѣе исторія поэзій и прозы у Римлянъ, или, лучше, поэтовъ и прозаиковъ римскаго народа, чѣмъ исторія его литературы, это — скорѣе справочная книга по исторіи литературы, чѣмъ сама исторія литературы. Правда, упрека въ разсматриваніи римскихъ писателей по внѣшнимъ рубрикамъ не можетъ избѣжать и Бергарди, но у него недостатокъ этотъ значительно искушается общою частью, гдѣ исторія римской литературы является намъ и живою исторіей духовнаго развитія римскаго народа. Отсутствіемъ излишняго схематизма

и крѣпостью внутренней связи отличается трудъ *Ад. Мунка*—«Исторія римской литературы» (*Geschichte der römischen Literatur*, Berlin, 1858—61; 2-е, исправленное, изданіе сдѣлано по смерти автора *Зейффертомъ*, Berlin, 1875—1877), написанная, правда, не для ученыхъ, но за то заслуживающая вниманія со стороны учащихся филологовъ, для которыхъ она можетъ служить хорошимъ руководствомъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ стала выходить и обратила на себя большое вниманіе «Исторія римской литературы» (*Geschichte der römischen Literatur*, Leipzig, 1870; 1875 3-е изд.) *Тэйфеля*, профессора (уже покойнаго) тюбингенскаго университета. Тэйфель имѣетъ въ виду соединить полноту указаній матеріала, которою отличается трудъ Бэра, съ стройностью построенія и строгостью сужденія произведенія Бернгарди; но очевидно, что, при всемъ искусствѣ автора пользоваться матеріаломъ, этотъ послѣдній не въ мѣру преобладаетъ (впрочемъ въ выводахъ) у него надъ изложеніемъ. Въ эти-же годы появился и обратилъ на себя вниманіе конспектъ лекцій по исторіи римской литературы (*Grundriss zu Vorlesungen über die römische Literaturgeschichte*. Berlin, 1869; 1877 4-е изданіе) берлинскаго профессора *Эм. Гюбнера*. Въ этомъ конспектѣ, начертанномъ на широкую ногу, отводится весьма видное мѣсто христіанской литературѣ, которая, начиная съ 3-го вѣка нашей эры, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе изслѣдователя римской литературы и едва ли можетъ быть совершенно вычеркнута изъ обзорнія римской литературы послѣднихъ столѣтій. Всю исторію римской литературы Гюбнеръ раздѣляетъ на три періода, а именно на періоды латинской, италійской и всемірной литературы. Съ этой точкой зрѣнія на исторію римской литературы мы встрѣчаемся въ первый разъ, но она имѣетъ будущность, хотя до сихъ поръ еще не нашла себѣ приложенія *).

Такимъ образомъ, исторія римской литературы, вырабатываясь мало-по-малу, изъ хронологическаго перечня латинскихъ авторовъ и ихъ сочиненій,—чѣмъ

*) Ходъ развитія Исторіи римской литературы въ Германіи имѣлъ въ настоящемъ столѣтїи для нашей науки особенно важное значеніе: потому-то мы на немъ и останавливаемся. Но и въ другихъ странахъ появилось въ то-же время не мало руководствъ по этому предмету. Изъ французскихъ книгъ можно указать на труды: *Фр. Шелля* (Schoell), *Histoire abrégée de la littérature Romaine*, Paris, 1815 (въ 4-хъ томахъ), *А. Пьеррона*, *Hist. de la litt. Rom.* (Paris, 1852; 2-е изд. 1857), *Поля Альбера*, *Hist. de la litt. Rom.* (Par. 1871), *Тальбо* (Talbot), *Hist. de la litt. Rom.* (Par. 1883); изъ итальянскихъ: на *Каприни* *Storia delle scienze, lettere ed arti dei Romani dalla fondazione di Roma sino ad Augusto*. Mantova, 1822—1823 (въ 2-хъ томахъ), на *Чезаре Кинту* *Storia della letteratura latina*, Firenze, 1864; изъ англійскихъ: на *Джона Денлопа* (John Dunlop) *History of Roman Literature from the earliest period to the Augustan age*. London, 1824 (въ 2-хъ томахъ); *during the Augustan age*. Lond. 1824 и *Брауна* (R. W. Browne) *Sketch of the rise and progress of Roman literature* (по Бэру и Бернгарди). Lond. 1853. Объявленъ предстоящій выходъ *History of Latin Literature O. Оуэна* (Oman Owen).—Кромѣ общихъ сочиненій и руководствъ появляются время отъ времени сочиненія, рассматривающія тотъ или другой отдѣлъ или ту или другую значительную часть исторіи литературы. Здѣсь можно указать: *Études sur la poésie latine: Латина* (Paris, 1868—9), *The Roman poets of the Republic Селлара* (Oxford, 1881) и *Geschichte der römischen Dichtung Риббэка* (Stuttgart 1887).

она занималась еще въ началѣ XVIII столѣтія, — развилась въ такой предметъ науки о классической древности, въ которомъ литературная дѣятельность древнихъ Римлянъ представляется не иначе, какъ въ связи съ культурными условіями жизни римскаго народа вообще. Въ настоящее время и для историка римской литературы стало обязательнымъ разсматривать литературныя произведенія не какъ рядъ явленій случайныхъ, зависѣвшихъ только отъ склонностей и талантовъ писателей, а какъ явленія, сложившіяся подъ вліяніемъ не только извѣстнаго уровня и направленія образованія въ данное время, но и всего характера эпохи: политической жизни, общественныхъ отношеній и частныхъ нравовъ того или другого періода римской исторіи. Разсматриваемыя отдѣльно, сами по себѣ, безъ отношенія къ эпохѣ и ея вліяніямъ, произведенія литературы всегда будутъ для насъ необъяснимы со стороны своего характера и направленія; да и самое появленіе ихъ въ такомъ случаѣ нерѣдко было-бы для насъ загадкой. Такъ, напр., не обративши вниманія на внѣшнюю политику Рима конца 5-го столѣтія отъ основанія города, нельзя объяснить себѣ появленія въ началѣ 6-го ст. литературныхъ произведеній, составленныхъ по греческимъ образцамъ. Равнымъ образомъ, не вникнувъ въ сословныя отношенія Рима и политическій характеръ государства въ періодъ пуническихъ войнъ, мы не могли-бы понять отсутствія всякой свободы въ римской комедіи и полнаго подчиненія ея строгой аристократической цензурѣ. Политическія обстоятельства времени имперіи безъ труда объяснятъ намъ причину паденія враспорѣчія, такъ какъ политическое состояніе государства въ концѣ республики лучше всего укажетъ намъ на причину наибольшаго его развитія въ это время. Этимъ я не хочу сказать, что мы не должны придавать большаго значенія личности автора. Было-бы негѣло достоинства рѣчей противъ Верреса или рѣчи въ защиту Милона приписывать безъ дальнихъ разсужденій эпохѣ, не принимая во вниманіе личнаго таланта, образованія и характера Цицерона; было-бы странно изучать литературныя произведенія автора, не познакомившись съ его біографіей: но дѣло въ томъ, что всякій человѣкъ, будь это самъ Петръ Великій, всякій писатель, будь это самъ Цицеронъ или Тацитъ, прежде всего — дѣти своего времени и не въ состояніи уклониться отъ его могущественнаго вліанія. Цицеронъ не могъ-бы образоваться въ эпоху Аппія Клавдія Слѣпого, Тацитъ былъ-бы невозможенъ въ эпоху Цицерона.

Римская литература развивалась постепенно и имѣла свои періоды развитія, процвѣтанія и упадка. Собственно такъ-называемая литература начинается у Римлянъ очень поздно, не раньше 6-го вѣка отъ основанія города. Ей предшествуетъ длинный періодъ цѣлыхъ пяти столѣтій государственнаго существованія Рима, періодъ, который не произвелъ никакихъ памятниковъ литературы въ томъ смыслѣ слова, какъ ее понимали Римляне, познакомившись съ греческими образцами. Но вычеркнуть это время изъ исторіи римской литературы, какъ это обыкновенно дѣлается, все-таки нельзя. Въ продолженіе этого времени не только развилась и сдѣлался годнымъ для литературныхъ произведеній письменный латинскій языкъ, какъ это показываютъ уцѣлвшіе отъ того времени памятники письменности,

но и были положены, какъ мы это увидимъ, основанія для литературы послѣдующаго времени. Здѣсь мы видимъ зачатки лирической, эпической и даже драматической поэзи; здѣсь положено начало исторіи и краснорѣчію: но всѣ эти попытки не дошли еще до степени настоящей литературы, т. е. литературы, имѣющей болѣе или менѣе сознанныя и развитыя правила литературнаго искусства. Зачатки эти суть однако тѣ элементы національной римской литературы, безъ существованія которыхъ столкновение съ греческой образованностью и литературой осталось-бы бесплоднымъ для литературнаго развитія Римлянъ. Въ началѣ 6-го столѣтія существованія города, въ Римѣ произошло въ сущности то-же самое, что случилось въ свою очередь и съ нами въ началѣ XVIII столѣтія нашей эры. Реформа Петра Великаго, сблизившая насъ съ Западомъ, была для насъ тѣмъ самымъ, чѣмъ было для Римлянъ завоеваніе греческихъ городовъ южной Италіи и встрѣча лицомъ къ лицу съ греческой образованностью. У Римлянъ, какъ и у насъ, произошелъ быстрый переворотъ въ умѣхъ отъ знакомства съ чужою, но гораздо болѣе развитою цивилизаціей. На литературѣ, какъ нашей, такъ и римской, это отразилось тѣмъ, что онѣ быстро перенимають формы, выработанныя постепенно развитыми литературами; но это перениманіе чужихъ литературныхъ формъ было удобно лишь потому, что оно въ томъ и другомъ случаѣ было подготовлено развитіемъ языка и литературными опытами въ народныхъ формахъ. Даже можно сказать, что самыя первые опыты литературы по новымъ образцамъ, какъ у насъ, такъ и у Римлянъ, мало разнятся по языку и по степени художественности отъ прежнихъ національныхъ произведеній. Возьмите у насъ сатиры Кантемира, посмотрите на сохранившіеся отрывки перваго римскаго писателя по греческимъ образцамъ, Ливія Андроника, и вы безъ труда замѣтите, что этотъ первый лепетъ искусственной литературы не далеко ушелъ отъ письменныхъ произведеній національнаго творчества; вамъ сейчасъ-же бросятся въ глаза, какъ мало въ немъ новаго литературнаго духа, не смотря на новостъ формы и содержанія. Но коль скоро низшая образованность столкнулась съ образованностью высшей, коль скоро безыскусственная литература пришла въ столкновение съ литературой, богатой содержаніемъ и обладающей выработанными формами, то подчиненіе этимъ формамъ, получивши первый толчекъ, продолжаетъ захватывать умственную дѣятельность народа и доводитъ его въ скоромъ времени до полнаго переворота въ литературныхъ формахъ. Описывая въ письмѣ къ Августу этотъ литературный переворотъ, Гораций имѣлъ полное право произнести замѣчательныя слова (Ер. II, 1, 156):

*Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio* *).

Начало этого литературнаго переворота въ Римѣ нужно отнести къ 514 году отъ основанія города (240 до Р. Х.), когда тарентскій грекъ, называвшійся въ

*) «Побѣжденная Греція побѣдила суроваго побѣдителя и внесла искусства въ грубыя Лаціумъ».